
Принцесса Небесных гор:
пророчество картины
Bernar Blesedlord

Bernar Blesedlord

Принцесса Небесных гор: пророчество картины

«Автор»
2026

Blesedlord B.

Принцесса Небесных гор: пророчество картины / B. Blesedlord — «Автор», 2026

Константин Оболенский — успешный предприниматель, привыкший, что любую проблему можно решить деньгами и холодным расчетом. Но его привычный мир рушится, когда влиятельный партнер Виктор Шувалов поручает ему купить на закрытом Московском аукционе легендарную картину. Стоимость лота — два миллиарда рублей, а на полотне изображены Небесные горы, древний замок и прекрасная принцесса с огненно-рыжими волосами.Получив желанный шедевр, Константин решает рассмотреть его в тишине гостиничного номера. Но стоило ему прикоснуться к холсту, как реальность раскололась: картина оказалась порталом в магическое прошлое.Теперь циничный бизнесмен — единственная надежда для принцессы Александры Белозерской, чье королевство на грани гибели. Здесь не работают законы рынка, а за деньги не купишь спасение. Сможет ли Константин выжить в мире, где правят мечи и магия? И какое пророчество скрывает картина, забросившая его в Небесные горы?

© Blesedlord B., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Сделка со Светланой и диалог с Виктором 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Bernar Blesedlord
Принцесса Небесных гор: пророчество картины

Глава 1: Сделка со Светланой и диалог с Виктором

Кафе на Рубинштейна было из тех, что не нуждаются в вывеске: своим не надо, чужие всё равно увидят только на вид скромную дверь и фикус в окне. Константин Оболенский любил его ровно за три вещи: кофе, тишину и то, что здесь на него не смотрела толпа посетителей.

Он знал цену всему. Буквально всему, что попадалось ему под руки.

Чашка кофе перед ним — четыреста рублей, из них двести — переплата за аренду и вид на дождь. Часы официантки — подделка, но хорошая, три тысячи в переходе: у девушки есть вкус и нет денег. Дождь за окном — бесплатный, и потому самое дорогое, что есть в этом кафе.

А женщина за его столиком — миллионов сорок рублей. По скромным подсчётам.

Нет, Светлана Елизарова не выглядела на сорок миллионов. Выглядела она на те самые «дорого и одновременно скромно», что стоят дороже любой роскоши: кашемировое пальто без единого логотипа, сумка без букв, но с фурнитурой, которую не обманешь. Выдавали её только руки: пальцы постукивали по краю столика снова и снова, как метроном, выставленный на «слишком быстро».

— Итак, картины и ваза находятся у меня, — сказала она, глядя не на него, а на дверь кафе. — В пентхаусе. Есть потайная комната, вещи там находятся.

— Хорошо, — Константин кивнул. — На месте даже лучше. Увижу свет, стены, соседство. Условия хранения — половина подлинности.

Она придвинула по столу плотный конверт. Тяжёлый. Аванс, без которого он не выезжал ни к кому.

Константин отогнул клапан, глянул внутрь. Секунда, вторая: высота пачки, банковская лента, срез купюр. Двести пятьдесят тысяч, ровно договорённая сумма, рубль в рубль. Он закрыл конверт и опустил его во внутренний карман пиджака.

— Хорошо, поехали, — сказал он. — Думаю, мы быстро закончим.

У его ноги стоял кожаный портфель с латунными замками. Внутри — лупы, ультрафиолетовый фонарь, портативный спектрометр, набор зондов и пробников: всё, чем доказывают на бумаге то, что он видел без приборов. В портфеле умещалось двадцать лет экспертизы.

— Сейчас нас сопроводит охранник, — сказала Светлана, — и мы поедем.

— Хорошо, Светлана, — Константин щёлкнул замками. — Я мастер своего дела.

На улице моросил тот петербургский дождь, который не идёт, а висит в воздухе мелкой взвесью. Пока они шли к машине, Константин думал о том, как всё началось.

Истинную цену вещей он знал с детства. Не угадывал, не высчитывал — знал, как пианист слышит фальшивую ноту, как снайпер чувствует ветер. В двенадцать лет он не дал отцу купить на барахолке «дореволюционный» самовар — и оказался прав: подделка звенела в его ушах жестью, глухо и стыдно. А иконка рядом, которую продавец отдавал «заодно», звенела колоколом.

В две тысячи первом году, на Удельном рынке, этот дар впервые стал деньгами. Широкоплечий мужик в кожаной куртке — Виктор Шувалов, тогда ещё резвый делец с ветром в голове и наличкой в кармане — собирался заплатить за пять «семейных» икон как за пять подлинных с виду.

Двадцатилетний Константин, сам не понимая зачем, поймал его за рукав: три — фальшь, четвёртая — подлинник, пятую лучше не трогать, себе дороже. Шувалов долго смотрел на него, потом купил четвёртую за копейки. Через месяц они продали её так, что хватило на первый антикварный салон.

— Ну, Константин Оболенский, — сказал тогда Виктор, пересчитывая деньги не калькулятором, а глазами, — будем зарабатывать. Ты видишь вещи насквозь. Я вижу насквозь людей.

Так и сколотили состояние: он — экспертиза, Виктор — сделки. Со временем сделки Виктора доросли до нулей, которые не помещаются на визитке. Ну а Константин стал лучшим специалистом города, тем, чьё слово не оспаривают великие игроки. Теперь они партнёры. И всё чаще Константину казалось, что звонки Виктора в последний год звучат как приказы, не подразумевающие отказа.

Но это будет потом. А сейчас у бордюра ждал растянутый лимузин, шофёр в чёрном пальто и перчатках держал дверь, а рядом с водителем устраивался телохранитель с лицом, стёртым, как монета.

Стекло перегородки с тихим гулом отделило салон от кабины. Пахло тёплой кожей и духами Светланы — дорогими, холодными, с ноткой ириса.

— Константин, меня посоветовал мой отец, — заговорила она, когда машина плавно тронулась. — Вы прославленный специалист в Санкт-Петербурге. Есть специалисты, но не такого уровня, как вы. Мне срочно нужны деньги, поэтому я хочу продать две картины и китайскую вазу. Мне нужно знать точную цену, чтобы меня не смогли обмануть и не продать мне в два раза дешевле.

— Я вас прекрасно понимаю, — сказал Константин. — Сейчас двадцать первый век, и никому нельзя доверять. Сплошь одни мошенники и скупщики вещей. Все хотят заработать, так же, как и вы, — подороже продать.

— Вы в этом деле уже почти двадцать лет, — продолжила Светлана. — Я в этом не разбираюсь, я привыкла тратить деньги моего отца. Но сейчас у него со здоровьем уже не то. И в бизнесе кризис. Мне нужно двести миллионов срочно: на рекламу моей коллекции и на материалы. Ткань известных брендов сейчас недешёвая. Плюс пошив, дизайн. Сами понимаете, всё дорого сейчас на рынке.

— Вы правы, Светлана, — кивнул он. — Модельный бизнес и одежда — это всё недёшево.

Он улыбнулся вежливо — и не поверил ни слову. Двести миллионов на рекламу и ткань? Из-за этого не вытаскивают в спешке семейные сокровища из сейфов. Значит, либо дыра в её бюджете куда больше, либо дело вообще не в ткани. Правило у него было простое: причины клиента — не его дело. Деньги не пахнут. А вот страх — пахнет. И сейчас в салоне пахло страхом.

Крестовский остров, клубный дом на Морском проспекте. Пентхаусы здесь стоили как яхты, а яхты — как ошибки очень богатых людей. Лимузин подкатил к третьему подъезду; у двери, словно выросшие из осенних клумб, стояли ещё двое охранников Светланы — они бесшумно пристроились следом.

— Пойдёмте, я вам всё покажу, — сказала она.

Внутри пахло камнем, тёплым деревом и ненавязчивой безопасностью. Консьерж в тёмно-синей форме с золотым галуном молча кивнул Светлане: здесь не улыбались за чаевые, здесь платили за молчание. Лифт с зеркалами и ореховыми панелями поднял их на восьмой этаж так тихо, что уши заметили только собственное давление.

Двери лифта открылись в коридор с тремя дверями на этаже. Пентхаус Светланы занимал сразу два уровня — восьмой и девятый, соединённые внутренней лестницей: двухэтажный дом, подвешенный над городом.

Константин из профессиональной привычки начал считать в первые десять секунд — и сбился. Интерьер выглядел почти скромным: светлые стены, простой с виду диван, неприметные пейзажи в тонких рамах. Но дар называл цены без запинки: «простой» диван — заказной, девять миллионов; «неприметный» пейзаж — с закрытого аукциона, вдвое дороже. Она жила среди сокровищ и не знала им цены — действительно, привыкла тратить деньги отца.

У дальней стены стоял шкаф до потолка, заставленный альбомами по истории моды и каталогами тканей. Светлана сдвинула три тома — под ними, вмонтированная в дерево, матово светилась панель с клавиатурой. Она набрала комбинацию, прижала палец к сканеру.

Шкаф отозвался громким, тяжёлым звуком — как вздох сейфа — и отодвинулся, открывая проход с включившимся внутри светом.

— Проходите, Константин, — сказала Светлана. — Картины там. Ваза тоже.

— Как скажете, Светлана, — он шагнул через порог. — Надеюсь, пытать не будете.

Она не рассмеялась. Он отметил и это.

— Нет, Константин, — улыбнулась она, — мне нужно ваше мнение и оценка стоимости.

Потайная комната оказалась мастерской. Вдоль стен застыли манекены — полуодетые формы с наколотой тканью, как безмолвные зрители. На доске, совсем как школьной, мелом были выведены шаблоны платьев: лекала, вытачки, стрелки.

Столы, стойки с образцами тканей, раскройные ножницы на подставке. Здесь, за кодом и отпечатком пальца, Светлана Елизарова была не наследницей, а хозяйкой собственной марки — и это, вдруг понял Константин, было самым настоящим во всём доме.

В центре стоял огромный дубовый стол. В компьютерном кресле, развёрнутом экраном наружу, светился двадцати семидюймовый монитор, под ним гудел системный блок. А на столе, разложенные по тёмно-синему сукну, лежало то, ради чего он приехал.

Две картины. Старый лак, кракелюр, как карта пересохших рек.

И между ними — китайская ваза: кобальтовые драконы, гонящие жемчужину по белому телу, шейка тонкая, как женское запястье.

Константин поставил портфель на край стола, открыл замки. Глянул на первое полотно — дар мгновенно, без заминки, назвал сумму, и хорошую. Глянул на второе — снова мгновенно, снова дорого.

А на вазе — споткнулся.

Впервые за двадцать лет внутренний ценник мигнул, как сломанное табло: назвал сумму, замолчал, назвал другую. Константин медленно наклонился ближе. Драконы смотрели на него

кобальтовыми глазами, и дождь за окном — тремя этажами выше и двумя замками ниже — вдруг показался очень далёким.

— Светлана, — сказал он, не отрывая взгляда от вазы. — Один вопрос. Где ваш отец взял всё это?

Она не ответила сразу. И в этой паузе Константин отчётливо услышал то, что дар подсказывал ему весь день: настоящая цена этого ответа была куда выше двухсот миллионов.

Пауза затянулась на секунду дольше обычного — и ответ прозвучал слишком быстро, как будто заготовленный заранее.

— Константин, мой отец Михаил двадцать лет собирал эту коллекцию, — сказала она, пытаясь оправдаться. — У него много барахла.

«Барахло».

Константин посмотрел на неё так, как реставратор смотрит на человека, вытершего фреску половой тряпкой. Не зло — внимательно. Так смотрят, когда при них говорят нечто непростительное.

— Я не поклонница искусства, — продолжила Светлана, не заметив или сделав вид, что не заметила. — Хотя и занимаюсь дизайном коллекций. Но у меня свежий взгляд на вещи: я честно не понимаю, зачем старым вещам придавать значимость и оценивать их в космические суммы.

— Я полностью с вами согласен, — сказал Константин. — Работа у меня такая: ездить по музеям, по частным коллекциям, оценивать то, что оставило время. Это всего лишь бизнес.

Он врал вежливо и профессионально. В голове уже щёлкали костяшки счётов с золотыми шариками: не «значимость» — правда. И правда, лежавшая на этом столе, стоила куда дороже космических сумм — она стоила молчания.

Цифры складывались сами, как всегда. Он работал быстро и негромко: лупа — по кракелюру первого полотна, ультрафиолет — по лаку, зонд — к кромке подрамника. Первая картина отвечала честно: конец девятнадцатого, северная школа, под грязью ни одной поздней записи — чистая.

Вторая оказалась богаче: под слоем старого лака пряталась подпись, и подпись эта стоила дороже самого полотна. А над вазой он задержался дольше, чем требовалось. Перевернул: на донце — шестизначное клеймо, иероглифы чёткие, но порядок их неправильный, будто выводил их человек, знающий буквы, но не знающий языка.

— Говорите, Константин, — не выдержала Светлана Михайловна. — Сколько общая сумма?

Он уже застёгивал портфель. На щелчке замков поднял на неё глаза.

— Триста пятьдесят миллионов, Светлана Михайловна, — сказал он и почувствовал, как слегка краснеет: азарт приходил к нему всегда, когда он прикасался к настоящей ценности. — В районе трёхсот сможете продать спокойно. Одна ваза стоит сто семьдесят, а если постараться найти покупателей — все двести.

Тишина держалась секунды три.

— Вы серьёзно, Константин Викторович? — глаза у неё расширились так, что радужка, казалось, съела всю деловую выдержку. — Не шутите. Триста пятьдесят миллионов — это хорошие деньги. Значит, я по адресу к вам обратилась… Мне вчера перекупщик предлагал сто семьдесят. За всё.

«За всё».

Константин сохранил лицо гладким, как стекло витрины. Сто семьдесят за всё — ровно столько, сколько стоила одна ваза, с картинами в придачу бесплатно. Совпадение? За двадцать лет практики он не встретил ни одного совпадения. Только плохо спрятанные намерения.

Во внутреннем кармане завибрировал телефон.

Он достал его и чуть приподнял бровь: Виктор Шувалов. Слишком рано. Виктор, считавший звонки до десяти дурным тоном, звонил в… он скосился на часы монитора: восемь пятьдесят две.

— Говори, Виктор, а то я сейчас общаюсь с клиентом, — сказал он, отшагнув на полшага к окну. — У меня близится сделка к концу.

— У меня к тебе серьёзное предложение, — голос у Шувалова был бодрый и слегка виноватый, как всегда, когда в дела вмешивалась семья. — Мне удалось по знакомству попасть на закрытый аукцион. В Москве. Там известная картина — принцессы Белозерской Александры.

— Ну и при чём тут я, Виктор, — Константин покосился на вазу: кобальтовые драконы, казалось, тоже прислушивались. — У меня и в Питере много клиентов.

— Просто у моей дочери Екатерины через два дня день рождения, — продолжил Виктор. — Мы с женой договорились: празднуем через два дня, дома. А в Москве нужно быть завтра: проверки документов, аккредитация, вся канитель. А аукцион начнётся только через два дня, в десять ноль-ноль по московскому. Я просто не успею вернуться к празднику, даже на самолёте.

— У тебя, как обычно, семья, Виктор, — вздохнул Константин: ему хотелось поскорее закрыть сделку и остаться наедине с тайной вазы. — Хорошо. Я приеду через час, может, полтора, в наш офис.

— Константин, я уже купил билет, — быстро сказал Шувалов. — И дам тебе мою карту покупателя. Не переживай: депозит внесён, аккредитация на моё имя, ты едешь моим представителем.

— Хорошо, давай, Виктор, — Константин поймал взгляд Светланы через стол: вежливый, терпеливый и горящий. — А то на меня клиент уже косо смотрит. Как завершу сделку — сразу поеду в офис.

— Хорошо, до встречи, — сказал Виктор. — Я думал, ты ещё спишь: у нас рабочий день с десяти, а только начало девятого.

Короткие гудки: он бросил трубку первым, как всегда.

— Ну что, давайте вернёмся к нашему разговору, Светлана Михайловна, — Константин убрал телефон и снова стал тем, кого она наняла: экспертом с портфелем. — Могу дать карточку моих людей. Купят это барахло, как вы говорите, быстро и не торгуясь.

— Спасибо, Константин, — сказала Светлана с настоящей теплотой. — Я буду вам признательна.

Она порылась в сумке и положила на стол ещё один конверт — тоньше первого, но не легче.

— Это вам премия. Сто тысяч. Я не думала, что столько будет стоить вещи Михаила. Хотела эти деньги дать на рекламу в интернете, но раз вы говорите, что вещи купят, — отдаю вам бонусом.

— Спасибо, Светлана Михайловна, — Константин взял конверт и вложил ей в ладонь плотную карточку с тиснёными буквами. — У моих покупателей всё легально, так что можете не переживать. Сделка будет чистой.

— Вы спешите куда-то, Константин? — она взглянула на его часы раньше, чем он сам. — Если что, я могу вас подвезти. Вы мне так помогли… Я два дня мучаюсь: одни перекупы, и никто выше двухсот не давал.

— Давайте уже поедем, не будем тратить время, — Константин кивнул на дверь потайной комнаты. — Мне нужно на Большую Морскую: там наш с Шуваловым офис, трёхэтажный особняк с мезонином, в двух кварталах от Исаакия.

— Хорошо, пойдёмте, — Светлана согласилась легко. — Мне как раз по пути в банк надо заехать — сказать, что завтра завезу деньги.

Из квартиры выходили строем, которого не стыдится и банк: впереди Светлана, следом Константин, позади — двое охранников мягким, пружинящим шагом.

В лифте, когда двери отрезали внешний мир, Светлана вдруг сказала тихо, глядя не на него, а на цифры этажей:

— Константин Викторович. Тот, который предлагал сто семьдесят… сегодня утром снова звонил. Но я не взяла трубку, решила послушать ваше мнение.

Константин медленно повернулся к ней.

— Почему вы не сказали раньше?

— Я не думала, что это важно и не придала значение, — она пожала плечами, но пальцы снова выдали её, застучав по ремешку сумки. — Он сказал: вещи должны остаться в доме. Пока он не приедет.

Лифт зазвенел. Двери открылись в прохладный мрамор первого этажа.

На улице морось кончилась, и воздух пах вымытым камнем. Охранник раскрыл зонт над Светланой; лимузин у бордюра тихо грел мотор, как терпеливый зверь.

Константин глянул на часы: девять сорок. На Большую Морскую он успевал.

А в голове у него уже жили рядом две суммы: триста пятьдесят миллионов — чужие, посчитанные, почти проданные. И одна, у которой ещё не было имени, — та, ради которой Виктор отправлял его в Москву, на закрытый аукцион с картиной принцессы, которой он никогда не видел.

Он ещё не знал, что вторая перевесит первую.

Светлана снова присела на заднее сиденье машины. Тот же охранник, сопровождавший её от кафе, присел вперёд, к водителю. Двое других остались у подъезда: их смена была не возить, а стеречь — коллекцию, оставшуюся наверху, за кодом и отпечатком пальца. Шофёр сел последним, когда за Светланой и Константином закрылась дверь, и лимузин тронулся.

Скорость он набирал так, как это делают очень дорогие вещи, — без единого лишнего движения: ни рывка, ни толчка, только город за окном начал перематываться быстрее: мокрый асфальт с плавающими жёлтыми листьями, решётки, фасады, мосты в серо-золотой дымке.

Петербург просыпался: дворы зевали распахнутыми дверями, пекарни выдыхали на улицу тёплый воздух, и дождь, будто отработав смену, уступил небо солнцу. В салоне было тихо и тепло; стекло перегородки слегка блестело, отделяя их от кабины, а кожаные кресла держали тело так, как умеет только очень хорошо оплаченная забота.

— Вы всегда на дорогих машинах ездите, — сказал Константин, — или это машина вашего отца?

— Вы правы, Константин, — Светлана повернулась к нему. — У него сегодня просто выходной. Обычно у меня машина намного дешевле. Я не люблю особо роскошь и показуху. Нужно быть попроще, чтоб завоевать сердца людей.

— Это точно, Светлана, — кивнул Константин. — Сегодня общество не удивишь.

— У меня джип, Range Rover, — сказала она. — Отец предлагал подороже, но я отказалась.

— Вы замужем, Светлана Михайловна? — Константин посмотрел ей в глаза. — Не стесняйтесь, говорите.

Пауза получилась длиннее вопроса. Светлана смотрела в окно — на Петербург, на то, как он просыпается после ночи: как загораются окна в мансардах, как дворник сгоняет листья к люку, как город надевает день, как рабочий пиджак.

— Мне нет времени на личную жизнь, Константин, — сказала она наконец. — Поездки, тусовки, шить коллекцию — это не быстро, хочу вам сказать. Хоть у меня и две швеи, но мы никогда не успеваем в сроки.

Потом они говорили ещё долго — о личном, о том, из чего складывается жизнь, когда её всё время откладывают на потом. Она рассказывала про швей, про ночные примерки, про ткань, которая приходит с браком и срывает неделю. А он — неожиданно для себя — рассказал

про Викторию: развелись год назад. Она любила не его, а его ценник: подарки, счета, статус жены.

«Люди, как картины, — сказал он тогда с кривой усмешкой. — Пока не посветишь ультрафиолетом, не увидишь, что под верхним слоем». Светлана не стала спорить. Только пальцы её перестали стучать по сумке — впервые за день.

Машина остановилась ровно у офиса Виктора Шувалова.

— Спасибо вам, Константин, — сказала Светлана. — Думаю, прощаться не будем. До встречи.

— До встречи, Светлана, — он усмехнулся. — Если что — рекомендуйте меня. Или заходите ещё продать барахло своего отца. Звоните, не стесняйтесь.

— Хорошо, Константин, буду иметь в виду.

Он вышел. Над дверью особняка висела вывеска с потёртой позолотой: «Оболенский и Шувалов. Истинная цена». Вывеску в своё время придумал Виктор: он любил красивые слова, которые означают ровно то, что означают.

Внутри пахло старым паркетом, бумагой и кофе — тем особенным запахом конторы, где деньги считают вслух, а вещи — насквозь. После улицы здесь было прохладно и тихо, в высоком окне стоял столб света с пылью.

Первый этаж встречал приёмной: несколько кожаных диванов с благородными трещинами, ресепшен, кресла и пуфики, журнальный столик со стопками каталогов. У стены гудела старая кофе машина — ветеран офиса, старше постоянных клиентов. Константин посмотрел на неё, как смотрят на старого знакомого, зарядил несколько купюр, ткнул кнопку. Машинка загудела натужно, подумала с минуту — и в стакан тонкой струйкой потёк кофе.

За ресепшеном сидела Яна — железная дама их бухгалтерии: пучок, держащийся на одном карандаше, очки на цепочке и взгляд, который видит человека быстрее, чем дар Константина видит картину. Формально она числилась бухгалтером и как раз сводила отчёт за предыдущий квартал: под её пальцами клавиши стучали, как счётная машина.

— Привет, Константин, — сказала она, не поднимая головы. — Шеф сегодня рано и ждёт тебя в кабинете. В девять ноль-ноль был на месте. Я, как обычно, в восемь пятьдесят прихожу, а вы к десяти приезжаете.

— Яна, если честно, — сказал Константин, — не хочу ехать в Москву. Не люблю летать на самолёте. Мне проще на поезде, на земле. Неизвестно, что может случиться в воздухе.

— Ты, наверно, фильмов много насмотрелся, Константин, — Яна наконец подняла глаза и усмехнулась. — Это тебе не в Китай лететь, а в Москву. Полтора часа выдержать любой сможет.

— Ладно, не буду отвлекать тебя от работы, — Константин поднял стакан. — Я пойду к шефу.

Лестница на второй этаж была всего один пролёт, но он поднимался по ней целых пять минут: кофе был горячий, а торопиться навстречу «серьёзному предложению» не хотелось вовсе.

Второй этаж дышал иначе: дубовые двери, латунные таблички — «К. В. Оболенский. Главный эксперт», «В. А. Шувалов. Управляющий партнёр», дальше — столовая, пахнущая микроволновкой и вчерашними котлетами, и в конце коридора — дверь актового зала. Там Виктор показывал клиентам видео коллекции: тридцать мягких кресел винного цвета стояли рядами, как в маленьком кинотеатре, над ними темнел экран, и даже сейчас, в пустоте, зал держал прохладу и тишину приготовленного зрелища.

Не успел Константин дойти до кабинета Виктора, как услышал шаги — и сам Виктор вышел из своей двери навстречу: широкоплечий, в пиджаке, уже надетом «под дорогу».

— Ещё раз привет, Константин, — сказал он, пожимая руку так, что в плече отозвалось. — Пойдём в актовый зал, я более детально покажу.

— Хорошо, Виктор, пойдём, — Константин отпил кофе. — Я уже сегодня целый день на ногах. Но зато закрыл сделку и получил премию.

Виктор ничего не ответил: он уже жил в других цифрах. Они зашли в зал; щёлкнул пульт — и проектор ожил, зашумев вентилятором. На экране появилось здание: Москва, строгий особняк с колоннами и окнами, как прикрытые веки. Ни вывески, ни флагов.

— Вот, Константин, в этом здании будут продаваться известные картины, и там находится моя картина Александры Белозерской.

Кнопка — кадр перелистнулся: стекло и золото гостиницы, lobby с роялем.

— Вот смотри: в этой гостинице я заказал на два дня номер, так что можешь не переживать.

— Там и ресторан есть в номере, — хмыкнул Константин. — Всё включено. Покажи хоть, что за картина принцессы Александры. Я прям заинтригован.

— Сейчас покажу, партнёр, не переживай, — Виктор снова нажал кнопку. — Вот этот шедевр.

Кадр перелистнулся — и зал на мгновение перестал быть залом.

С экрана смотрели горы: зелёные луга волнами уходили к снежным вершинам, а на вершине стоял золотой замок. От замка по тропе из белого камня спускалась женщина в белом свадебном платье — к фонтану и саду внизу. Краски были переданы так плотно, что даже на видео казались живыми: хотелось моргнуть — и увидеть, как шевельнулась трава на лугах.

И дар молчал.

Константин поймал себя на том, что ждёт внутри числа — любого, какого угодно. Но впервые в жизни вещь перед ним не имела цены. Будто цена была не у картины. Будто картина сама была ценой. Он списал это на усталость.

— Вот это да… Сколько же тебе за неё заплатить нужно, Виктор? — сказал он вслух. — Расскажи, не стесняйся.

— Два миллиарда, — улыбнулся Виктор. — Это того стоит. У меня её за три миллиарда перекупает в Питере другой коллекционер. Заработаю миллиард на ровном месте.

— Рублей или долларов, Виктор? — Константин посмотрел на него в упор почти.

— Естественно рублей, — сказал Виктор без улыбки. — Наших российских рублей. Это по сути сделка всей моей жизни, Костя. Мне пришлось неделю у своих друзей собирать деньги на эту покупку. Если бы долларов, я бы не потянул такую картину. Я не настолько богат.

Он достал из внутреннего кармана пиджака конверт и вынул билет на самолёт.

— Ты полетишь первым классом, — сказал он, вкладывая билет в руку Константина. — Так что в этот раз не экономом. В аэропорту тебя встретит водитель Артём, после повезёт в гостиницу. После Артём повезёт тебя на аукцион — но уже на следующий день. Он недалеко от гостиницы, просто ты сам не найдёшь.

— Так ты уже купил её? — Константин повертел билет. — Картину.

— Можно и так сказать, Константин, — Виктор говорил ровно, как о решённом. — Такими суммами, естественно, не переводят. Нужно будет тебе войти в банк: там возьмут у тебя мою карту, подтверждение личности — пикать они будут или что-то делать с ней, я не знаю и знать не хочу. Я договорился с банком, там мой лучший друг.

Виктор посмотрел на картину Александры снова, выдержал паузу в несколько секунд и продолжил говорить.

— Мне не нужно присутствовать, — сказал он, посмотрел на Константина. — Нужна только моя карта. Так что не переживай. Заберёшь картину и сразу в аэропорт. Она будет запакована: в чемодане, герметичном, чтоб никто не мог понять, что внутри. Там уже заранее таможенная смена проплачена, если даже заметят картину.

Экран за его спиной всё ещё светился. Принцесса в белом свадебном платье стояла на тропе, на полушаге к фонтану. И Константину вдруг показалось, что смотрит она не на камеру и не на сад.

На него.

Он моргнул. Кадр, разумеется, не изменился: это была всего лишь запись. Просто очень длинный день, подумал Константин. Просто усталость.

Виктор глянул на часы и хлопнул ладонью по колену — так он закрывал совещания двадцать лет подряд.

— Всё, отпускаю. Езжай домой, отдыхай. Самолёт рано утром: завтра к шести ноль-ноль быть в аэропорту. Тебе ещё на такси добираться, собраться. Поспи хоть немного, это приказ.

— Отосплюсь в самолёте, — пожал плечами Константин.

— В самолёте тоже отоспишься, — Виктор усмехнулся. — Первым классом, я сказал. Там кровати, а не кресла.

Они перекинулись ещё несколькими фразами — о московской погоде, о пробках на улицах, о том, что карту Виктор положил в тот же конверт, что и билет, вместе с запиской: банк, имя, адрес. «Спросишь Андрея Павловича, он будет ждать», — сказал Виктор и добавил уже тише: «И не свети конвертом перед людьми. Нигде, Костя».

У самой двери Константин обернулся.

— Не переживай, Виктор. Картину доставлю тебе в целости и сохранности. Слово эксперта.

— Слово эксперта я беру, — сказал Виктор серьёзно, без улыбки. — Но этого мало, Константин, ответственность вся на тебе.

Такси Константин вызвал сам, вызвал такси ещё в дверях актового зала: бизнес-класс, подача десять минут. Внизу, в приёмной, Яна молча вручила Константину бумажный стакан с кофе — уже дорожный, с крышкой.

— Это в дорогу, — сказала она. — И не смотри фильмы в самолёте. Я проверю.

— Яна, ты страшнее любого турбулентного фронта, — признался Константин и впервые за день улыбнулся по-настоящему.

Лимузина не было — было обычное такси с шашечками, и это после дня лимузинов ощущалось почти роскошью: никто не открывал дверь, никто не стерёг коллекцию. Город за окном жил своей полуденной жизнью, и Константин смотрел на него и ловил себя на том, что в голове у него всё ещё стоит тишина. Та самая, из актового зала. Первая в его жизни вещь без цены. Картина, на которую дар не дал ответа, — будто ответ был слишком большой, чтобы поместиться в число.

Константин почти простоял час в пробке.на Литейном, потом заехал за походным набором. В итоге домой он приехал к 14:00. Его дом стоял на окраине Удельного парка — маленький двухэтажный особнячок с мезонином, потерявшийся среди сосен: тот самый район, где когда-то всё началось с рынка и пяти икон.

Внутри пахло яблоками, старыми книгами и воском; в прихожей тикали дедовские часы, ровные, как сердце здорового человека. После развода дом стал тише: Виктория забрала вещи, но не забрала тишину — она осталась ему целиком.

Он собрался быстро, по-холостяцки: рубашки, бритва, зарядки. И — профессиональная привычка, с которой он ничего не мог поделать, — маленький походный набор: лупа и ультрафиолетовый фонарь. «Увидеть своими глазами при передаче», — сказал он вслух пустому дому, оправдываясь. Дом промолчал, часы тикали.

Конверт с билетом и картой он положил на кухонный стол, сверху — очки для чтения, чтобы не сдвинуть ночью. Лёг рано, в десятом часу: завтра вставать в половине пятого утра.

Сон пришёл сразу, как провал.

Ему снились горы. Зелёные луга волнами уходили к вершинам, и розовый свет лежал на камнях, как на ещё тёплой посуде. На вершине стоял золотой замок — он знал, что это тот самый, хотя никогда не видел его наяву. По тропе из белого камня спускалась женщина в белом свадебном платье: к фонтану, к саду, навстречу ему. Ветер пах травами и озоном — так пахнет перед грозой, только во сто раз чище.

На полушаге она остановилась. Повернула голову — и лицо её оказалось тем самым, с кадра: живое, усталое, очень внимательное.

— Спеши, Константин, — сказала она, и голос её дошёл до него сквозь ветер, сквозь сон, сквозь кожу. — Ты последний, кто успеет.

Он открыл глаза.

Часы показывали без десяти четыре; будильник собирался зазвонить через десять минут и уже не застал бы его спящим. В комнате стоял запах горных трав и озона — тот самый, из сна, — и Константин лежал не двигаясь, слушая, как тикают дедовские часы в прихожей. Нервы, сказал он себе. Виктор. Кофе. Стакан в дорогу.

Он встал и пошёл на кухню за конвертом Виктора.

Конверт лежал на столе, где и был положен: билет, карта, записка. Только сверху, поверх билета, лежал теперь цветок.

Серебристо-белая звёздочка с войлочными лепестками, будто её сорвали минуту назад и положили ему под очки, которых на столе уже не было. Константин взял цветок пальцами эксперта — бережно, за стебель — и почувствовал, как по позвоночнику идёт холодок узнавания: он видел такие только на картинках в старых альбомах из библиотеки его деда.

Эдельвейс. Цветок высокогорий.

Окна были закрыты. Двери — заперты. Дом стоял среди сосен Удельного парка, в городе на болоте, на уровне моря.

Константин Оболенский ни разу в жизни не был в горах.

Конец главы 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.